

Александр Фисун

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ «ЦВЕТНЫХ» РЕВОЛЮЦИЙ: НЕОПАТРИМОНИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Волна «цветных» революций на постсоветском пространстве в 2004–2005 гг. подвела определенную черту под целым периодом политико-режимного развития постсоветских государств, связанным с формированием и подъемом разного типа неопатримониальных политических режимов. Революционный протест масс против правительственного произвола и коррупции привел к падению наиболее хрупких форм конкурентного неопатримониализма (Украина, Грузия, Киргизия), однако в то же время вызвал энергичные попытки перестройки и реформирования сверху (назовем это контрреволюционной стабилизацией) менее конкурентных неопатримониальных систем (Россия, Беларусь, Казахстан, Азербайджан).

1. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ И ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ «ЦВЕТНЫХ» РЕВОЛЮЦИЙ?

С самого начала «цветные» революции оказались в центре ожесточенных теоретических дебатов, начиная с вопроса о том, могут ли считаться данные события действительно революциями, и заканчивая конспирологическим обсуждением роли внешних сил в организации и манипулировании данными событиями. Центральными, однако, оказались вопросы: означают «цветные» революции выход из посткоммунизма (*Макфол, 2005*) или нет, разрывают они с постсоветским развитием или являются его дальнейшим логическим развитием? Можно выделить несколько вариантов ответа:

1. Одни, преимущественно представители транзитологического мейнстрима, рассматривают «цветные» революции в качестве своеобразных демократических прорывов («хорошие парни побеждают плохих парней»), как завершение процесса демократизации, начавшегося в конце 80-х; в этом смысле они являются постсоветским вариантом центральноевропейских «бархатных» революций 1989 г.
2. Другие рассматривают их в качестве завершающего момента национальных революций, которые приводят к рождению суверенных гражданских

наций на окраинах или на обломках бывших империй (прототипом является «весна народов» бурного 1848 г.); важное значение придается процессу национальной мобилизации и идеям достижения подлинной независимости от бывшего имперского центра.

3. Третьи говорят о буржуазно-демократических революциях, двигателем которых является европеизированный средний класс, требующий последовательной модернизации общества и протестующий против олигархической экономики и политического капитализма (что отсылает нас уже к событиям 1789 г., а именно к роли и требованиям третьего сословия к королевской администрации перед штурмом Бастилии).

Все подходы объединяет явный или неявный нормативизм, т. е. определенное телеологическое представление о том, какое общество появляется или должно появиться в результате революционных изменений. В противовес нормативному подходу, который акцентирует именно кардинальное изменение общественного строя (или типа) системы в ходе революционных преобразований, гораздо более плодотворной мне кажется другая, более узкая трактовка «цветных» революций, как одной из возможных форм смены политического режима наряду с другими возможными формами. Мы не говорим при этом, какое именно общество возникает в итоге данного типа перехода, не помещаем революции в рамки большого метанарратива (перехода от автократии к демократии, например). Мы просто рассматриваем «цветные» революции как один из возможных вариантов изменения правил игры в политической системе, распада старых и возникновения новых элитных конфигураций, как одну из моделей такой перестройки. Все три обозначенных выше подхода рассматривают постсоветские «цветные» революции как фундаментальную смену строя (типа системы или типа общества). Мне же представляется, что это скорее определенная модель смены политического режима, возникновение новой констелляции распределения властных ресурсов между участниками, которая может приводить (а может и не приводить) к качественной трансформации системы.

Гораздо более интересным мне кажется подход американского исследователя Г. Хейла, который рассматривает происшедшие (и не происшедшие) постсоветские «цветные» революции в рамках циклической модели патронажного президентства. В период выборов из-за возросшей неопределенности для всех участников игры происходит усиление межэлитной конкуренции (т. е. либерализация системы), которая может закончиться «цветной» революцией (т. е. крахом операции планового наследования трона и прорывом альтернативных элит). После того как преемник установлен, начинается новый цикл авторитаризации режима (т. е. стабилизации и консолидации новой элитной конфигурации). Как отмечает Г. Хейл, ««цветные» революции как внешне, так и внутренне могут быть лучше поняты не в качестве демократических прорывов, а именно как фазы открытого конкурентного противостояния в рамках более широкого режимного цикла, результатом которых является приход к власти оппозиционных сил» (*Hale, 2005, P. 161; ср.: Макфол, 2006*).

В этом контексте мне кажется уместным обратиться к теоретическим выводам современных концепций революции и теорий политико-режимных изменений, которые могут быть весьма полезными и для понимания причин, динамики и результатов постсоветских «цветных» революций. Более того, фактическое игнорирование весьма существенных наработок, достигнутых работой нескольких поколений исследователей, по моему мнению, весьма существенно сужает и даже блокирует адекватную интерпретацию этих событий, оставляя поле для различных мифологических спекуляций, пристрастной идеологической апологетики или наивной критики.

В начале 1980-х гг. Дж. Голдстоун в своем анализе теорий объяснения революционных изменений выделил три поколения теорий революции, которые вскоре стали каноническими рамками любого серьезного анализа данного феномена (*Goldstone*, 1980; 1982). С некоторыми уточнениями данные три поколения можно представить следующим образом:

- 1) историческая и философская феноменология революций как великих нарративов, которая синтезировала достижения соответствующей либерально-консервативной историографии; к этому поколению можно отнести естественную теорию революций Л. Эдвардса, Дж. Петти, К. Бринтона (*Edwards*, 1927; *Pettee*, 1938; *Brinton*, 1965 [1938]) и талантливую философско-историческую интерпретацию у Х. Арендт и Дж. Данна (*Arendt*, 1987 [1963]; *Dunn*, 1989 [1972]);
- 2) модернизационные теории 1950–60-х гг., возникшие в рамках бихевиористской революции, структурно-функционального анализа и девелопментализма. Дж. Дэвис, Н. Смелзер, Ч. Джонсон, Т. Гарр, в определенной степени предшественниками могут считаться Г. Лебон и П. Сорокин, итоговый синтез всего поколения представлен С. Хантингтоном. (См.: *Davies*, 1962; *Smelser*, 1963; *Johnson*, 1966, *Garrr*, 2004 [1970], *Lebon*, 1995 [1895], *Sorokin*, 2005 [1925], *Huntington*, 2004 [1968]);
- 3) государствоцентричные модели второй половины 1970–1980-х гг. (Т. Скочпол, Ч. Тилли, Дж. Пэйдж, К. Тримбергер), которые плодотворно соединили достижения неомарксистского (Б. Мур, П. Андерсон, И. Валлерстайн) и неовеберианского (Ш. Эйзенштадт, М. Манн, Р. Коллинз) анализа. (См.: *Skocpol*, 1979; 1994; *Tilly*, 1973; 1993; 2004; *Paige*, 1975; *Trimberger*, 1978; *Moore*, 1966; *Anderson*, 1979 [1974]; *Wallerstein*, 1974–1989; *Эйзенштадт*, 1999 [1978]; *Mann*, 1986–1993; *Collins*, 1999).

Первое поколение разработало модель базовой интерпретации феномена революции, в рамках которого удалось выделить общие черты, стадии и характеристики так называемых великих революций (английской 1640 г., американской 1776 г., французской 1789 г., русской 1917 г.), а также рассмотреть их в качестве переломных точек истории. Однако естественные теории революций не могли объяснить, почему происходят революционные сдвиги, как они возникают и что определяет их удачный или неудачный исход. Центральным при этом оказался вопрос о том, почему переход к современности так часто связан с коллективным насилием и его производными — крестьянскими восстаниями, городскими бунтами, насильственными переворотами

ми и гражданскими войнами. Опираясь на теорию социальной психологии и структурно-функциональный анализ, представители второго поколения попытались выработать всеобщие модели революций, которые подчеркивали значение того или иного ее общего паттерна (относительной депривации и агрессивной фрустрации в психологических моделях, системного напряжения и дисфункциональности — дисэквилибриума — в структурно-функциональных моделях, того или иного провала политического развития в теориях девелопментализма). Революции в рамках этих концепций превратились в специфическую реакцию на процесс модернизации и объяснялись тем или иным разрывом между потребностями ушедшего вперед модернизированного общества (с новым образованным средним слоем, рыночной экономикой и т. д.) и отстающей политической системой (относительно более закрытой, не создавшей каналы для новых форм политического участия, т. е. недостаточно модернизированной, а иногда и вообще полутрадиционной)¹. Данные модели с самого начала критиковались за свою абстрактность, невозможность точной экспликации, тавтологию (кто и почему испытывает депривацию, какова социальная картография дисэквилибриум), однако, главное, всеобщие теории революции не могли определить, почему те или иные общества или типы систем оказываются чувствительными к революционным ситуациям, а другие нет; почему в одних системах кризис приводит к революции, а в других вызывает усиление системы; наконец, почему в результате революций возникают столь непохожие типы социальных систем и политических режимов.

Третье поколение теорий революций выступило с лозунгом «Bringing the State Back in», т. е. потребовало вернуть государство в центр теоретического анализа революций, ибо именно его тип, структура и вид в значительной степени решает загадку возникновения революций и объясняет ее совершенно противоположные итоги (см.: *Evans, Reuschmeyer, Skocpol*, 1985). В предыдущих теориях революции государство выступало в качестве надстройки или было просто ареной протекания и разрешения конфликтов, вызываемых более фундаментальной группой причин. Однако представи-

1 Ср. анализ причин революций у С. Хантингтона (Хантингтон, 2004 [1968]. С. 269–271) с тезисом о базисе и надстройке в научном коммунизме — советском варианте теории модернизации и системно-функционального понимания общества. Как структурно-функциональная теория Т. Парсонса (и теория модернизации вообще) позитивистским образом сциентизировала наследие М. Вебера, убрав из него историческое измерение и контингентность процесса рационализации, точно так же научный коммунизм можно рассматривать как такую же позитивистскую попытку построения системной теории советского общества и объяснения всемирно-исторических процессов через одну генеральную линию все той же модернизации. Аналогично с Вебером научный коммунизм фактически элиминировал марксовский историзм в пользу сциентистско-технократического понимания задач управления «развитым социалистическим/индустриальным обществом. Аналогично теориям революции Джонсона, Гарра и Хантингтона научный коммунизм сместил фокус анализа реального социализма с классовых и экономических факторов на сдвиги в ценностях, образовательном уровне, жизненных ориентациях и политической активности советских людей.

тели третьего поколения выдвинули чрезвычайно важную идею о том, что государство есть не просто арена конфликта, а самостоятельный автономный элемент со своими целями, задачами и институциональной структурой; государство в определенных ситуациях может действовать против интересов влиятельных господствующих классов. Например, такой конфликт может произойти вокруг той или иной аккумуляции ресурсов со стороны государства в ответ на военную угрозу извне; как правило, на эти ресурсы претендуют (или уже ими обладают) те или иные элиты; такая аккумуляция может произойти лишь за их счет. Таким образом, исследователи, работающие в рамках третьего поколения теорий революции, выдвинули на первый план в объяснении революционных потрясений структуру противостояний внутри традиционных элит, вариации их контроля над государственной политикой, а также *конфликт государственной бюрократии с автономными элитами*, разворачивающийся на фоне обостряющейся межгосударственной военной и экономической конкуренции в рамках капиталистической миросистемы.

В своей классической работе «Государства и социальные революции» Т. Скочпол достаточно убедительно демонстрирует, что политика централизации и мобилизации ресурсов со стороны абсолютистского государства неизбежно тем или иным образом вступает в противоречие с интересами традиционных элит, ибо угрожает их политическим привилегиям и подрывает их ресурсную базу. В этом случае возможность революционного ответа на пресс государства в значительной степени зависит от возможностей данных элит сопротивляться росту требований государства и их способности создать себе независимую ресурсную базу для такого сопротивления². В одном из наиболее широко известных определений революции Скочпол подчеркнула, что «социальные революции являются быстрой и глубокой трансформацией государственной и классовой структуры общества, они сопровождаются и частично осуществляются через классовые восстания и протест снизу» (*Skocpol*, 1979. Р. 17). Скочпол выдвинула три необходимых и достаточных условия возникновения социальной революции:

1) возникновение международного давления со стороны более передовых государств,

² Ср., например, анализ того, почему во Франции и Англии возникли разные типы абсолютизма; Фронда во Франции была подавлена, а мятеж Кромвеля в Англии нет; почему революции произошли во Франции, России и Китае и не произошли в Пруссии или Японии. Ключевым в эскалации конфликта между бюрократическим государством и традиционными элитами, по мнению Скочпол, является социальное строение аграрной сферы и модель взаимодействия различных типов элит с государством. Там, где государство в своем функционировании зависело от кооптации или вето влиятельных аграрных элит, последние могли парализовать государство и открыть путь для крестьянских восстаний (Франция в XVIII в., Китай в XIX в.), в отличие от Пруссии и Японии, где правительство в целом не зависело от земельных собственников. Влиятельные в своих владениях земельные собственники в Пруссии и Японии не имели общенациональной ресурсной базы, как не имели и институциональных форм для выражения своих требований и оспаривания решений монархического центра и его представителей на местах.

- 2) наличие экономических и политических элит, способных сопротивляться фискальному давлению государства и создать политический кризис,
- 3) наличие организаций (партии, сельской общины), способных мобилизовать массы на восстание против местных властей.

Трехфакторной моделью революции Т. Скочпол предлагала простое и элегантное решение многих проблем, стоящих перед теориями революции раньше и фактически подорвала влияние всех концепций, объяснявших революции через процесс модернизации. Хотя ее критиковали за подбор лишь удобных случаев, Скочпол удачно продемонстрировала принципиально новые причины возникновения революционных ситуаций и вовлечения масс в революцию — конфликт между государством и элитами, разворачивающийся на фоне прессинга со стороны соперников на международной арене³.

В преимущественно *конфликтно-политической* интерпретации государственно-центричного подхода у Ч. Тилли революции представляют собой своеобразную крайнюю и насильственную форму протекания политического процесса, в котором различные группы и коалиции претендентов пытаются реализовать свои цели путем захвата государственной власти. По мнению Тилли, революцию более точно можно определить как «силовую передачу государственной власти, в ходе которой как минимум два отдельных блока претендентов выдвигают несовместимые претензии на контроль над государством и некоторые значительные части населения, находящиеся под юрисдикцией данного государства, разделяют требования каждого из бло-

3 В значительной степени данная исходная идея Т. Скочпол была дальнейшим разворачиванием знаменитого тезиса, выдвинутого золотой эрой макроисторических исследований 1970–80-х гг. о становлении национального государства как процесса постепенной монополизации средств насилия и силового принуждения, в рамках которого были удачно синтезированы многие теоретические положения Вебера и Маркса. Историческая макросоциология убедительно продемонстрировала, что современное государство создается как: 1) военная машина по продаже специфических услуг по обеспечению безопасности и защиты от всех других видов таких же организаций и 2) фискальное бюро по территориальному изъятию ресурсов в виде налогов, сборов и платежей, которые идут на обеспечение этих услуг (см. коллективную монографию под редакцией Ч. Тилли (*Tilly*, 1975) и его знаменитую статью «Война и создание государства как организованное преступление» в сборнике «Возвращение государства» (*Evans, Reuschmeyer, Skocpol*, 1985. P. 169–186)). Скочпол блестяще применила эту идею к анализу причин революций, показав, что именно потребности военной машины государства в межгосударственной конкуренции приводят к росту объема изымаемых ресурсов, что вызывает неизбежный конфликт с присваивающими эти ресурсы элитами. Разворачивая процесс монополизации средств принуждения вширь и вглубь, концентрируя силовую и экономическую власть в едином центре, затрагивая интересы многих традиционных элит и социальных групп, современное государство как воплощение рационального бюрократического разума и государственного расчета (ср. национальных интересов) стало естественной мишенью гнева и протеста, вызвало ответное сопротивление, в которых революция, какими бы причинами она ни вызывалась, была наиболее зримым и явным его свидетельством. Именно из этих процессов всеобщего сопротивления развитию этого нового вида территориальных охранных предприятий можно объяснить, например, всеобщий кризис середины XVII столетия, когда мятежами, восстаниями и революциями была охвачена вся территория Европы, от Португалии до Украины.

ков» (Tilly, 1993. P. 8). В своей знаменитой модели революции как конфликтного противостояния/соперничества (contention model) Тилли подчеркнул, что хотя модернизация и усиливает социальное противостояние, для превращения его в революционную ситуацию необходима широкая мобилизация всех видов ресурсов и установление контроля над частью социальных, государственно-административных, милитарно-силовых и регионально-пространственных элементов системы, т. е. *фактической ситуации двоевластия*. Определение революции Тилли содержит указание на степень раскола политики (революционная ситуация) и на степень передачи власти (революционный результат). Данная двухмерная шкала позволяет связать собственно революции с определенной интенсивностью и глубиной как первого, так и второго. Тем самым образуется возможность построения некоего континуума вариантов конфликтно-соревновательной политики (contentious politics) от парламентского соперничества в ходе регулярных выборов и делиберативного обсуждения проблем в публичной сфере, и так до различных форм насильственных столкновений, а внутри последних выделить революции, верхушечные перевороты, гражданские войны, мятежи и восстания⁴. Тилли суммирует свое двухмерное понимание революции в виде следующей схемы (Tilly, 1993. P. 49–50, 241–242):

Революционная ситуация

Возникновение нескольких конкурирующих противников или их коалиций, которые выдвигают противоположные соперничающие претензии за контроль над государством или его каким-то сегментом.

Поддержка каждого из этих требований значительной частью граждан.

Неспособность или нежелание правящей группы подавить оппозиционную коалицию и/или поддержку их требований

Революционный результат

Поражение членов правящей группы и их отстранение от руководства государством.

Создание революционной коалицией собственных Вооруженных сил или установление контроля над уже существующими.

Нейтрализация или подавление вооруженной поддержки правящего режима.

Завоевание революционной коалицией контроля над государственным аппаратом

Таким образом, революции в интерпретации третьего поколения стали апогеем сложной констелляции разнообразных конфликтов, в которые в той или иной степени вовлекается государственная бюрократия, полити-

4 Как пишет Тилли, «великие революции уже по своему определению включают как глубокий раскол государства и общества (глубокую революционную ситуацию), так и глубокую смену власти (явный революционный результат). Гражданская война определенно предполагает значительную революционную ситуацию, но не обязательно подразумевает тот или иной революционный результат, глубокую смену власти. Верхушечный переворот может включать существенный сдвиг во власти (революционный результат), но не подразумевать существенного раскола в самой политике (не иметь революционной ситуации). В любом случае все это вопрос степени и времени: мятежи выливаются в великие революции, перевороты с большой скоростью движутся к глубокому изменению власти. И все эти формы имеют те или иные революционные черты» (Tilly, 1993. P. 15).

ко-экономические и культурные элиты, а также низшие классы. Как пишет Дж. Голдстоун, «мы сейчас намного лучше понимаем то, что революции возникают из сложной смеси недостаточно сильного государства, межэлитных конфликтов, а также городских и сельских восстаний» (*Goldstone, 1982. P. 200*), т. е. в их основе лежат *те или иные изменения в формате взаимоотношений внутри треугольника государство – элиты – массы*. Кроме того, подход, предложенный представителями третьего поколения, позволил выделить несколько основных типов революционных событий:

- *великие революции* (как французская 1789 г. или Октябрьская 1917 г.), в которых происходит одновременная трансформация экономической и социальной структуры, а также изменение политических институтов;
- *политические революции*, связанные с трансформацией лишь государственных институтов (например, французские революции XIX в.);
- *социальные революции*, связанные с массовым движением протеста снизу;
- *революции сверху* – быстрые политические и экономические преобразования; осуществляемые правящими элитами, контролирующими процесс массовой мобилизации;
- *неудавшиеся или прерванные революции*, которые не смогли обеспечить сохранение власти после временной победы или широкомасштабной мобилизации масс;
- *оппозиционные выступления* в виде восстаний (насильственных) или движений массового протеста (если это ненасильственные акции в виде демонстраций и забастовок), которые не имеют своей целью захват власти или нацелены на изменение условий существования конкретного региона или отдельных социальных, этнических, религиозных, культурных групп.

В 1990-е гг. Голдстоун и некоторые другие исследователи отметили возникновение уже следующего, четвертого поколения теорий революции, которое в значительной степени уточнило и обогатило исходную модель революционного конфликта, выдвинутую Т. Скочпол и Ч. Тилли (*Goldstone, 2001; Foran, 1993, 1997; Keddie, 1995*). Анализ исламской революции в Иране, «бархатных» революций в Центральной и Восточной Европе, государственного коллапса в Африке, городской и сельской вооруженной герильи в Латинской Америке, революций и восстаний раннего Нового времени, неопатримониальных революций в странах третьего мира продемонстрировал многомерность межэлитного конфликта, его сложную коалиционную структуру, а также вариацию способов мобилизации масс. В анализ революционных ситуаций был включен анализ действий революционных акторов с точки зрения теории рационального выбора, значительно большее внимание уделено роли политического лидерства, новым социальным движениям, этнической и региональной мобилизации, сетевым институтам, ненасильственным формам давления и протеста, международным организациям, революционным предпринимателям, «мягкой власти», символическому капиталу, протестным идентичностям, микрооснованиям конфликта, а также идеологии и культуры. К четвертому поколению теорий революции можно отнести работы Дж. Голдстоуна, Дж. Гудвина, С. Тэрроу и Д. МакАдама, Р. Лахманна,

Дж. Форана, Т. Викхэма-Кроули, М. Парса, Г. Дерлугьяна (*Goldstone*, 1991, 2003; *Goodwin*, 2001; *McAdam, Tarrow, Tilly*, 2001; *Lachmann*, 2000; *Foran*, 2005; *Wickham-Crowley*, 1992; *Parsa* 2000; *Derluigian*, 2005).

Все это позволяет говорить о формировании новой конъюнктурной модели революционных изменений, которая учитывает сложную роль экономических, политических и идеологических факторов и в качестве альтернативы любым формам структурного детерминизма или волюнтаризма предлагает то, что я называю *контингентной моделью революции*. Как пишет один из наиболее видных представителей четвертого поколения, Дж. Голдстоун, «в этой [новой] теории, революции наиболее вероятны только тогда, когда в обществе одновременно присутствует несколько условий:

- 1) фискальный кризис государства как разрыв между общими доходами государства и теми целями и задачами, которые возникают перед ним;
- 2) резкое разделение элит, которое включает как противостояние с государственным аппаратом, так и внутриэлитный конфликт, вызываемый возросшей неустойчивостью их элитных позиций и ростом конкуренции за их достижение;
- 3) высокий потенциал массовой мобилизации различных групп населения, который питается распространением как общего недовольства (например, ростом цен и низкой зарплатой), так и социальной конфигурацией, способствующей подъему массовых действий (например, наличием значительного числа молодого населения, автономной структурой сельских поселений, большей концентрацией пролетариата в стагнирующих городских центрах).

Конъюнктурное соединение этих трех условий вызывает четвертую предпосылку — подъем разных форм культурной и религиозной гетеродоксии, которая обеспечивает оппозиционные силы как лидерством, так и готовыми организационными формами» (*Goldstone*, 1991. Р. xxiii–xxiv).

Таким образом, конъюнктурное соединение фискального кризиса, межэлитных конфликтов, подъем народных выступлений и развитие критических идеологий вместе вызывают революционное падение существующего режима. Таким образом, угроза революции возникает тогда, утверждает Дж. Голдстоун, когда *развивается фискальная слабость государства, а влиятельные элиты отказываются от поддержки режима или разделяются в вопросе о том, в какой степени и каким образом ее осуществлять*. «Такой отказ от поддержки может отражать финансово-экономические трудности самих элит. Элиты, вовлеченные в борьбу за сохранение своего богатства или рассматривающие себя в качестве невинно обобранных жертв, с готовностью отказываются от поддержки слабого и нуждающегося в поддержке режима. Элиты

В ОСНОВЕ РЕВОЛЮЦИЙ ЛЕЖАТ
ТЕ ИЛИ ИНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В
ФОРМАТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ВНУТРИ ТРЕУГОЛЬНИКА ГОСУ-
ДАРСТВО – ЭЛИТЫ – МАССЫ

могут перейти в противоположный лагерь также в силу того, что они просто изгнаны из власти или их привилегии и контроль элитных позиций подвергается нападкам и оспариванию» (*Goldstone, 2001. P. 148*). Политический кризис развивается, когда элиты оказываются не просто разделенными, но и поляризованными, т. е. имеют соперничающие и взаимоисключающие видения организации социального порядка. Превращение политического кризиса в революцию происходит, когда возникает массовая мобилизация, которая может быть традиционной, неформальной и направляемой элитами. При этом первый и второй типы мобилизации не всегда являются сами по себе революционными, очень часто оба ведут лишь к неудачным крестьянским восстаниям и разным видам городского протеста (демонстрациям, забастовкам и т. д.). Как отмечает Голдстоун, «они становятся эффективным орудием революционных изменений лишь тогда, когда устанавливают связь с элитной оппозицией режиму». Успешными являются только те революции, которые «устанавливают связь или формируют коалицию между народной протестной мобилизацией и антирежимными элементами самой элиты» (*Goldstone, 2001. P. 151–152*). Трансформация же широких социальных движений в вооруженное восстание или революцию зависит от того, как режим, элиты и массы реагируют на политический кризис.

Фактически четвертое поколение теорий революции в значительной степени разрабатывает и модифицирует все ту же трехфакторную модель Скочпол, не отказавшись от нее, но расширив и уточнив состав каждого из факторов применительно к современным революционным ситуациям эпохи «глобального спектакля»:

- 1) международное давление может осуществляться теперь самым различным образом — не только через военную конкуренцию, но и путем *soft power*, через международные организации, господствующую геокультуру и т. д.;
- 2) усложнен состав элит, вступающих в конфликт с государством и его представителями, подчеркнута *коалиционная* природа таких оппозиционных сил;
- 3) значительно изменились представления об организационных механизмах массовой мобилизации (сюда ныне включаются различные группы национальных, культурных, религиозных и этнических активистов, подвижные неформальные сетевые структуры, НГО и третий сектор, новые социальные движения; гораздо больше внимания уделяется культурно-символическим механизмам, роли масс-медиа и т. д.).

Отсюда и более гибкое определение революции: теперь под ней понимаются «те или иные попытки трансформации политических институтов и оснований политической власти в обществе, сопровождаемые формальной или неформальной массовой мобилизацией, а также различными неинституционализированными действиями, который подрывают существующий порядок» (*Goldstone, 2001. P. 142*). К достоинствам данного определения революции, по мнению Дж. Голдстоуна, относится то, что оно является достаточно широким для того, чтобы включить широкий ряд событий, начиная от относительно мирных «бархатных» антикоммунистических рево-

люций в Центральной и Восточной Европе и заканчивая насильственной исламской революцией в Афганистане. С другой стороны, это определение является достаточно узким, для того чтобы исключить верхушечные изменения власти (как большинство военных переворотов в Африке и Латинской Америке), гражданские войны, мятежи и восстания, изменяющие лишь правителей, но не ведущие к попыткам трансформации политических институтов или глубинных оснований власти. Данное определение также исключает из понятия революции такие формы перехода к демократии, как пакты и институциональные компромиссы элит (например, Испанию после смерти Франко), различные варианты проведения реформ сверху, которые обходятся без массовой мобилизации или атак на существующий порядок (например, реформы в Пруссии начала XIX века или «новый курс» Ф. Рузвельта). Голдстоун подчеркивает, что ключевым элементом революции всегда является именно определенная атака на сами принципы и основания существующей власти, сопровождаемые тем или иным включением масс в этот процесс, при этом успешность данной атаки и уровня сопряженного с ней насилия является контингентным фактором, варьирующим от случая к случаю, но отнюдь не обязательным условием (*Goldstone, 2001. P. 142; Goldstone, 2003. P. 54–55*). Однако, как и в предшествующих революциях Нового времени, международное давление, кризис государства, внутриэлитный конфликт и массовая мобилизация остаются ключевыми моментами развертывания революционных ситуаций и в современных политических режимах.

Обобщая достижения четвертого поколения теорий революции, Дж. Голдстоун предлагает в конечном итоге пять ключевых условий возникновения революции, одновременное соединение которых в той или иной комбинации приводит к революциям (*Goldstone, 2003. P. 81–82*)⁵:

- 1) кризис государственной власти, при котором государство воспринимается элитами и массами как неэффективное и несправедливое;
- 2) кризис во взаимоотношениях между элитами, приводящий сначала к их отчуждению, потом разделению и, наконец, к резкой поляризации на отдельные фракции, каждая из которых имеют противоположное представление о путях дальнейших преобразований;
- 3) кризис народного благосостояния, при котором городские и/или сельские слои с трудом поддерживают свои обычные стандарты жизненного существования с помощью привычных средств;
- 4) возникновение коалиции части элит и народных масс в их атаке на государственную власть;
- 5) существование той или иной оппозиционной идеологии, которая соединяет элиты и массы в их борьбе с властью, оправдывает эту борьбу и предлагает альтернативное видение будущего порядка.

5 Присутствие каждого из этих условий в отдельности либо в том или ином сочетании, но не в полном виде ведет к серьезным кризисам, даже может вызвать крестьянские волнения, городские восстания, заговор элит или государственный переворот, гражданскую войну, но все это не может быть собственно революцией.

Следует особо отметить, что выводы современных теорий сравнительной политологии также в значительной степени изменили наши прошлые знания о механизмах рождения демократии и становлении демократических политических режимов. Ключевым тезисом теории демократизации стала идея о том, что демократия появляется в результате глубокого внутриэлитного конфликта, а конкретные траектории развития демократических политий определяются структурой и композицией противостояния основных элитных группировок. Сравнительное изучение процессов перехода к демократии в рамках преимущественно политико-экономических концепций рационального выбора убедительно продемонстрировали, что демократические институты и механизмы являются *следствием столкновения и конфликта, приводящего к состоянию патта, при котором в силу взаимного страха друг перед другом основные участники делают выбор в пользу демократии* (Д. Раптоу, 1996 [1970]; Przeworski, 1988; Karl, 1990; Хантингтон, 2003 [1991]; Пшеворский 1999 [1992]; Higley and Gunter, 1992; Linz and Stepan, 1996; Dogan and Higley, 1998; Colomer, 2000, McFaul, 2002). Тем самым противоборствующие стороны совершают выбор в пользу не наиболее благоприятного, но высокорискового варианта монопольного распределения выигрышей, а более умеренного, но зато более гарантированного кооперативного варианта распределения (никто никогда не остается в полном проигрыше, просто выигрыш одних иногда чуть больше выигрыша других).

Если полемически усилить этот тезис, то можно сказать, что демократия в значительной степени возникает из страха взаимного уничтожения, т. е. в определенном смысле это решение проблемы политических гарантий побежденным, радикальное снижение ставок, разыгрываемых в политической игре. Перефразируя Р. Нибура, С. Хантингтон проницательно замечает, что «способность элит к компромиссу образует возможность демократии, а склонность элит к мщению создает ее необходимость» [Huntington, 1994. P. 212]. В формулировке теоретиков экономической теории демократии (ЭТД) последняя становится разновидностью открытого политического рынка, когда раскол сегментов политического поля такой, что конкурирующие силы не позволяют никому осуществить его полный захват, и ни одна, даже самая мощная группа не может претендовать на полную власть. Более того, транзитология, собственно говоря, дала принципиально иное решение вопроса о том, что появляется вначале — демократия или демократы. Великие теории 50–60 гг. (марксизм, теория модернизации, структурно-функциональный анализ, бихевиоризм) настаивали на обязательном возникновении тех или иных предпосылок демократии, элементом которых обязательно являлось и возникновение движущего субъекта демократической трансформации, т. е. демократа (в виде пролетариата, буржуазии, среднего класса, интеллектуалов, диссидентов, национально-освободительных движений и т. д.). Действительная же ирония демократии заключается в том, что она является неожиданным следствием действия эгоистичных групп интересов, которые, преследуя собственные, отнюдь не всегда благородные, а чаще всего элементарно низменные цели и интересы, вынуждены принимать демокра-

тические правила игры из-за инстинкта самосохранения, т. е. (на языке ЭТД) принимать их как стратегически наиболее рациональную линию поведения в долгосрочной игре с несколькими циклами интеракций.

Таким образом, современная сравнительно-историческая социология и политология в исследовании процессов революций и демократической трансформации особое внимание уделяет стратегиям действия политических акторов, структурам межэлитного раскола, композиции и взаимодействию политических элит между собой. Даже при наличии макроструктурных предпосылок формирования того или иного политического режима определяющим является расстановка сил внутри элитных групп и общее соотношение сил между ними. Наряду с мобилизацией масс радикальными группами, которая может вести к силовому столкновению (революции снизу), существуют и иные варианты трансформации (революции сверху, реформы, пакты т. д.).

Все эти новые подходы привели в конечном счете и к более точному пониманию понятия политического режима, центральным элементом которого становится понятие *баланса сил*. Политический режим с этой точки зрения есть определенный формат взаимодействия политических акторов с их ресурсами, стратегиями и видами капитала в рамках определенного набора формальных и неформальных правил. Данное определение подчеркивает именно момент того, что формат политического режима в значительной степени определяется данной совокупностью формальных и неформальных правил, которые тем или иным образом направляют (соединяют) действия политических акторов в их борьбе за обладание властью (более научно — в процессе производства, распределения и присвоения власти). Формат политрежима (и его динамика) детерминирована соотношением сил между основными акторами, которое открывает (или закрывает) доступ к использованию тех или иных стратегий, ресурсов и видов капитала. Соответственно, опираясь на доступные стратегии, ресурсы и виды капитала, акторы стремятся *максимизировать* свое влияние на политическом поле и по возможности захватить его полностью (акторы действуют в политической сфере, преследуя в первую очередь свои личные интересы; они пытаются максимизировать свой выигрыш, одновременно снизив издержки по его получению). Режим может считаться консолидированным, когда все основные акторы рассматривают (вынужденно или добровольно) данные правила игры в качестве единственно возможных.

Таким образом, главное условие для понимания сущности политического режима — это понятие баланса сил между участниками, т. е. структуры и топографии социально-политического раскола. Укажем основные варианты консолидации режима, под которой будем понимать то или иное успешное элиминирование линий раскола:

- 1) *доминирование* (ликвидация политического плюрализма и установление политической монополии);
- 2) *гегемония* (частичный политический плюрализм при доминировании одного актора в большинстве большинства социетальных сегментов);

- 3) *картель* (относительно пропорциональное распределение политических выигрышей среди нескольких основных сегментов);
- 4) *пакт* (политический плюрализм при отказе претензий на монополию).

2. ПОСТСОВЕТСКИЕ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ КАК ПРОДУКТ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

В полном соответствии с тезисом про элиты как основных драйверов режимных изменений мейнстрим транзитологических исследований в русле позитивистской теории рационального выбора рассматривал процессы перехода и консолидации демократии как разновидность игры с четырьмя основными участниками – умеренных и радикалов от власти и оппозиции, а различные варианты режимов были следствием тех или иных интеракций между этими группами. По теории игр эти интеракции стремятся к некоей точке Парето-оптима, каковой выступает пактирование элит, а именно достижение стратегического соглашения между умеренными фракциями власти и оппозиции. Именно пактирование ведет к успешным демократическим переходам, ибо оно позволяет:

- 1) ограничить количество выносимых на обсуждение проблемных зон, тем самым снизив ситуацию неопределенности для всех участников игры;
- 2) пропорционально распределить бенефиты всем участникам соглашения;
- 3) ограничить участие радикалов и масс с той и другой стороны, что позволяет маргинализировать политических аутсайдеров.

То, что модель демократического пакта оказалась неревалентной постсоветскому развитию, стало ясно довольно быстро. Пактирование элит в той или иной форме действительно происходило, но вместо рождения демократии постсоветские пакты скорее стабилизировали и консолидировали разные варианты неопатримониальных режимов. Почему? Моя гипотеза заключается в том, что постсоветские пакты совершались вокруг другой «повестки дня», а именно *неформального соглашения по захвату государства и монопольной апроприации публичных политико-экономических функций*. Постсоветские межэлитные консолидации можно рассматривать как определенные монопольные соглашения по ограничению конкуренции и выдавливания «посторонних» от участия в эксплуатации публичных государственных ресурсов⁶. В условиях незаконченной рационально-бюрократической трансформации и неполного разделения политики и экономики наиболее выгодной и наиболее дешевой стратегией рентоориентированных (*rent-seeking*) групп⁷ стало вхождение в клиентелистские цепочки неопатримониального обмена ресурсов и капитала.

6 Это очень хорошо показано В. Гельманом и М. Макфолом (*Гельман, 2001а, 2001б; McFaul, 2002*).

7 В современной политэкономической литературе *rent-seeking* в широком смысле определяется как борьба за политически обусловленное предоставление благ и привилегий. В более узком смысле означает стремление к прямой непроизводительной прибыли, т. е. присвоение не реального, а политически произведенного излишка

Мне кажется, что понятие неопатримониализма является ключевым для понимания постсоветского политического развития и понимания режимной динамики постсоветских государств (Фисун, 1998, 2000, 2004). В контексте данной статьи оно является ключевым и для понимания постсоветских «цветных» революций. Почему же понятие патримониализма оказывается наиболее точным в описании постсоветской действительности?

Собственно понятие патримониализм происходит от слова *patrimonium*, которое впервые встречается в римском праве и означает наследственное, родовое имущество. Немецкие историки XIX в., изучавшие раннее Средневековье, рассматривали патримониализм как некую форму безоговорочного владения, управление государством как своей частной собственностью по примеру того, как крестьянин распоряжается своим двором, в противоположность власти, которая ограничена договором, традиционными вольностями и т. д.

Комплексное раскрытие понятия патримониализма в широкой сравнительно-исторической перспективе осуществлено Максом Вебером в работе «Хозяйство и общество», в которой он подробно анализирует разные варианты патримониализма и противопоставляет его чистый тип, с одной стороны, феодализму, а с другой – бюрократическому (рационально-легальному) правлению (Weber, 1978 [1922]). Р. 226–241, 1010–1110; Вебер, 2004 [1922]). По определению М. Вебера, «в своем чистом типе патримониальное господство, особенно в сословной форме, рассматривает все управленческие полномочия, с соответствующими экономическими правами, в качестве частным образом апроприированных экономических возможностей» (Weber, 1978 [1922]). Р. 236).

Особое значение М. Вебер придает частному присвоению судебно-юридических и военных функций государства, которое часто «становится правовой основой для *сословно* привилегированного положения присвоивших лиц, в противоположность присвоению чисто экономических возможностей в виде домениальных, налоговых и любых других побочных источников доходов» (Weber, 1978 [1922]). Р. 237). Как отмечает Р. Теобальд, в своей первоначальной форме патримониализм развивается «из управления хозяйством правителя/вождя, точнее, из выделения слуг/клиентов от домашнего хозяйства господина и предоставления им земельных владений, пожалований, возмож-

СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ОСОБЕННОСТЬЮ
ПАТРИМОНИАЛИЗМА ЯВЛЯЕТСЯ
ПРЕЖДЕ ВСЕГО АПРОПРИАЦИЯ
(ПРИСВОЕНИЕ) СФЕРЫ УПРАВЛЕНИЯ
ОФИЦИАЛЬНЫМИ НОСИТЕЛЯМИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

в форме ренты. В значительной степени *rent-seeking* является одним из элементов веберовского политического капитализма и выступает следствием патримониализации государственной *public policy*.

ностей сбора податей и т. д.» (*Theobald*, 1982. P. 555). Одним из самых важных для нас выводов Вебера является то, что патримониальный способ осуществления власти может существовать внутри самых разных экономических и политических систем. По его мнению, насколько судебные полномочия и другие права политического происхождения рассматривались в качестве частных полномочий, настолько везде терминологически верно говорить и о патримониальном господстве. Хотя степень патримониализации в разных обществах и системах может варьировать, в любом случае «для нашей терминологии факт принципиальной трактовки властных полномочий и связанных с ними любого рода возможностей как *определенной разновидности* частных прав должен быть основополагающим» (*Weber*, 1978 [1922]. P. 237)⁸.

Таким образом, специфической особенностью патримониализма является прежде всего апроприация (присвоение) сферы управления официальными носителями политической власти, а также нерасчлененность публично-политической и частной, приватной сферы социума, в результате чего государство управляется как частное владение (вотчина) правящих групп, которые на основе системы власти-собственности приватизируют различные общественные функции и государственные институты. Как пишет один из видных исследователей веберовского творчества Р. Бендикс, «при патримониализме правитель рассматривает всю сферу политического управления в качестве своего личного дела, таким же образом он использует свое обладание политической властью в качестве полезного дополнения к своей частной собственности» (*Bendix*, 1966. P. 345)⁹.

На появление современных форм патримониального господства, особенно в новых постколониальных государствах Африки и Азии, впервые указал Гюнтер Рот в знаменитой статье «Персональное правление, патримониализм и имперское строительство в новых государствах», опубликованной в журнале «Уорлдс политикс» в 1968 году (*Roth*, 1968). После этого данная идея получила подробное развитие в концепции неопатримониализма С. Н. Эйзенштадта, а также в работах Р. Теобальда, Ж.-Ф. Медара, В. Мервара (*Eisenstadt*, 1973. P. 7–30; *Эйзенштадт* 1999 [1978]. С. 324–359; *Theobald*, 1982; *Medard*, 1982; *Murvar*, 1985). Как пишет С. Н. Эйзенштадт, для неопатримониального общества характерна «кристаллизация нескольких политических синдромов:

8 Вебер так характеризует процесс патримониализации, степень которой в различных обществах может быть большей или меньшей: «Получивший должность человек, как правило, обретал вместе с ней и право на нее. Он владеет средствами управления, подобно тому как ремесленник владеет средствами производства. Из своих доходов он оплачивает издержки управления или отдает господину только часть доходов, оставляя остальное себе. В ряде пограничных случаев должность может быть наследственной или отчуждаемой подобно любой другой собственности» (*Вебер*, 1994 [1915]. С. 70).

9 «Патримониальным институтам, — отмечает М. Вебер, — прежде всего недостает бюрократического разделения сферы частного и приватного. Политическое управление рассматривается правителем в качестве исключительно персонального предприятия, а политические полномочия существуют как часть его личной собственности, которая может приносить доход в виде налогов и дани» (*Вебер*, 1978 [1922]. P. 1029).

монополизация центральной власти и политических ресурсов со стороны центра, минимизация независимого доступа более широких групп к таким ресурсам и позициям контроля за ними, и в то же время минимальная степень создания центром или обществом новых, более дифференцированных типов социальной организации и институтов» (*Eisenstadt, 1973, P. 18*)¹⁰.

- 1) политический центр отделен и независим от периферии, он концентрирует политические, экономические и символические ресурсы власти, одновременно закрывая доступ всем остальным группам и слоям общества к этим ресурсам и позициям контроля за ними;
- 2) государство управляется как частное владение (*патримониум*) правящих групп – носителей государственной власти, которые приватизируют различные общественные функции и институты, делая их источником собственных частных доходов;
- 3) этнические, клановые, региональные и семейно-родственные связи не исчезают, а воспроизводятся в современных политических и экономических отношениях, определяя способы и принципы их функционирования.

Демократизация и экономические реформы 90-х гг. модернизировали и усилили механизмы административно-политического рынка, а также клиентарного обмена ресурсов между разными сегментами центра и периферии, что трансформировало существовавшие в недрах советского строя «ростки» патримониального господства полутрадиционного типа (*Jowitt, 1992*) в систему обновленного, осовремененного неопатримониализма, в котором данные отношения приобрели еще и экономическое измерение. Такая трансформация становится предпосылкой формирования системы *политического капитализма* (по выражению М. Вебера «*crony capitalism*», «капитализм родственников и друзей» по выражению современных исследователей), основанного на той или иной степени патримониализации государства, общества и экономики¹¹. Основой данной модели является триединство:

¹⁰ Эйзенштадт отмечает, что «наиболее существенные особенности неопатримониальных обществ имели основанием структуру центров и отношения между центром и периферией. В большинстве случаев центр в возрастающей степени монополизировал власть и политические ресурсы; крупным группам населения оставалось немного возможностей для самостоятельного доступа к таким ресурсам и позициям контроля над последними. Подобная монополизация лишь в минимальной степени сопровождалась попытками центра изменить структуру периферии (прежде всего отношения между центром и периферией) или создать социальные институты, которые были бы основаны на новом соотношении основополагающих норм и новых структурных принципах» (*Эйзенштадт, 1999 [1978]. С. 327*).

¹¹ В своем анализе различных форм патримониализма Вебер указывает такие его формы, которые могут существовать в рамках модернизированных социальных и политических институтов, например, «на основе монополизации отчасти наиболее прибыльных форм деятельности, отчасти – взимания пошлин и сборов, отчасти – налогообложения. В этом случае рыночная конъюнктура, в зависимости от вида монополии, определяется в большей или меньшей степени иррационально, а основные возможности по извлечению прибыли концентрируются в руках господина и его управленческого аппарата. Капитализм в своем развитии либо 1) прямо торжествует при непосредственном захвате управления прибыльными отраслями самими правящими группами или же 2) тяготеет к области политически ориентирован-

- 1) формирование класса рентоориентированных политических предпринимателей, которые для достижения своих экономических целей используют политические возможности слияния власти и собственности¹²;
- 2) частное – в той или иной степени – использование государственно-административных ресурсов, в первую очередь силовой и фискальной функции государства;
- 3) решающая роль клиентарно-патронажных отношений и связей в структурировании политико-экономического процесса, а также пространства реальной политической борьбы.

Концепция неопатримониализма вполне укладывается в веберовское указание на то, что патримониализм вполне совместим и более того – стимулирует развитие некоторых ограниченных разновидностей капитализма: «при господстве типичной патримониальной власти может возникнуть только:

- а) торговый капитализм,
- б) капитализм, выросший на откупе налогов и должностей,
- в) госпоставках и военных подрядах,
- г) при определенных обстоятельствах, плантационный и колониальный капитализм.

Все эти капиталистические формы внутренне присущи патримониализму и часто достигают самого пышного расцвета. Прежде всего потому, что им отнюдь не мешает нерациональность отправления правосудия, управления и налогообложения. Напротив, данные обстоятельства являются непреодолимым препятствием только для ориентированных на частных потребителей – предпринимателей с устойчивым постоянным капиталом и рациональной организацией свободного труда, которым крайне необходима возможность расчета изменчивой рыночной конъюнктуры» (Вебер, 2004 [1922]. С. 174).

Постсоветский вариант неопатримониальных структур отличается формальной инсталляцией институтов современного государства (парламента и многопартийности, электоральных механизмов и современной конституции), которые, выполняя роль легитимного фасада системы, в целом *внутренне подчинены патримониальной логике функционирования отношений власть–собственность*. Ключевую роль при этом играют не рационально-легальные отношения в рамках официальных систем взаимодействия, а *клиентарно-патронажные связи*, которые регулируют доступ неопатримониальных игроков к разного рода ресурсам на основе отношений личной зависимости, вырастающей из асимметричной конвертации и обмена капиталов. Как подчеркивает Р. Теобальд, практически все исследователи патримониализма

ного капитализма в том случае, когда права на откуп налогов, чиновничьи должности, армейские поставки и правительственные подряды определяются толщиной кошелька» (Вебер, 2004 [1922]. С. 172–173).

¹² В политологии под политическими предпринимателями понимаются люди, которые инвестируют в политику разного рода ресурсы в надежде на возвращение их в будущем в виде благоприятной для них государственной политики. В нашем контексте указание на их рентоориентированный политический характер специфицирует неопатримониальную разновидность данного способа накопления капитала.

«усматривают сущностную особенность патримониальных режимов именно в обмене ресурсов (должностей, возможностей, титулов, контрактов, лицензий, иммунитета от закона и т. д.) между ключевыми фигурами в правительстве и стратегически расположенными индивидами: профсоюзными лидерами, бизнесменами, региональными руководителями и т. д. В обмен на эти ресурсы, правительство или главы государств получают экономическую и политическую поддержку» (*Theobald*, 1982. P. 552).

Ведущее место в системе неопатримониальной власти занимают представители неопатримониальной бюрократии, которая в значительной степени совмещает функциональные роли административных, политических и экономических элит¹³. В качестве ведущей политико-экономической силы и реальной партии власти неопатримониальная бюрократия структурируется на основе региональных, отраслевых, клановых и семейно-родственных связей и представляет собой сложную пирамиду разнообразных патронагов, соединяемых через механизм клиентарных отношений вертикаль президентской власти (иногда в той или иной комбинации она может институционализироваться и в виде формальной партии власти). Внутри неопатримониальной бюрократии центральные, стержневые позиции принадлежат «людям президента», а именно клиентарно-патронажной сети (КПС), которая образуется вокруг фигуры главы государства. На ее верхушке находятся преданные лично ему люди, которые занимают ключевые позиции в государственном и партийном аппаратах, курируют силовые министерства и основные отрасли экономики. Основной структурообразующий элемент КПС — система личных связей, замкнутая на президента и базирующаяся в первую очередь на региональной, семейно-родственной или этнической общности, а также на общности текущих политических и деловых интересов. Именно этому неформальному институту принадлежит направляющая,

13 Изначально «патримониальная бюрократия» является термином М. Вебера, который использует его при анализе комбинированных или промежуточных типов господства. «Мы все время вынуждены, пользуясь такими словообразованиями, как «патримониальная бюрократия», указывать на то, что данное явление некоторыми характерными для него признаками связано с рациональной, другими — с традиционалистской — в данном случае с сословной — формой господства» (*Вебер* М. (1994 [1915]). С. 71). Используя известную веберовскую дифференциацию способов жить «для политики» и «с политики», неопатримониальную бюрократию можно определить как специфический административно-управленческий слой, который основным источником своего существования в той или иной степени имеет не твердо установленное жалование, а различные пребендальные доходы от капитализации своих функций. «Профессиональный политик, живущий за счет политики, может быть чистым пребендарием, или чиновником на жалование. Тогда он либо извлекает доходы из пошлин и сборов за определенные обязательные действия — чаевые и взятки представляют собой лишь одну нерегулярную и формально нелегальную разновидность этой категории доходов, — либо получает твердое натуральное вознаграждение или денежное содержание, либо и то и другое вместе. Руководитель политикой может приобрести характер предпринимателя как кондотьер, или арендатор, или покупатель должности в прошлом, или как американский босс, расценивающий свои издержки как капиталовложение, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход» (*Вебер*, 1990 [1919]. С. 656).

организующая и мобилизующая роль как в реальной или формальной партии власти, так и в политическом развитии общества в целом, что отодвигает на второй план проблему верховенства в таком обществе какой-либо партии или государства.

Перенесенные на постсоветскую почву основные элементы современной демократической системы (политические партии, выборы, парламент) в неопатримониальном обществе подвергаются существенной трансформации, становясь оболочкой, прикрывающей патримониальные и полупатримониальные общественные связи. Скрепленные между собой в значительной мере не современными легально-рациональными связями гражданского типа, а отношениями патронажа и клиентелы современные политические институты становятся удобным каркасом, в рамках и под ширмой которых происходит процесс воспроизводства традиционных форм патримониального господства. Политические системы постсоветского типа воспроизводят логику неопатримониального политического процесса: это не борьба партийно-политических альтернатив в рамках парламентского процесса, а *борьба различных фракций неопатримониальной бюрократии за монополизацию тех или иных сегментов клиентарно-патронажных сетей, их изменение и перераспределение*. Как пишет Эйзенштадт, парламентские выборы в неопатримониальных системах обычно используются для завоевания позиций контроля над распределением ресурсов и установления контроля над участками клиентарно-патронажной сети. Голосование и партийная мобилизация выполняют функцию расширения социальной базы доступа к таким ресурсам в системе редистрибуции, для формирования новых патрон-клиентских структур, фракционных групп и корпоративных образований. Политическая борьба, как и политика государства, «как правило, сосредотачивались на доступе к ресурсам, властным позициям и должностям, чем на поддержке новых типов экономической деятельности и новых форм статусных и классовых отношений» (Эйзенштадт 1999 [1978]. С. 329–331). В общем, неопатримониальная система свела к минимуму самостоятельный доступ автономных общественных групп к центру и позициям контроля над распределением ресурсов, стимулируя рентоориентированных предпринимателей к вхождению в системы перераспределения ресурсов в рамках клиентарно-патронажных сетей. В результате зависимость различных общественных групп от патримониального центра возрастала, а их автономность сводилась к минимуму (Эйзенштадт 1999 [1978]. С. 337–338). Правящие неопатримониальные группы попытались «контролировать и регулировать политический процесс таким образом, чтобы он не угрожал их монополии на политическую власть в центре и не создавал возможностей для получения различными группами независимого доступа к источникам власти в масштабе всего общества» (Эйзенштадт 1999 [1978], стр.343). Взаимосвязь неопатримониального центра и различных политико-экономических элит осуществлялся не через демократические механизмы выборов и политического участия, а через вхождение в клиентарно-патронажные сети, различные корпоративные образования или формальную партию власти. Возникшие

в результате реформ рентоориентированные предприниматели, как правило, не стремились к автономной политической деятельности вне существующей КПС, очень редко поддерживали альтернативные политические силы и в общем-то не проявляли интереса к перестройке политической сферы.

Поэтому, в отличие от моделей демократизации в Латинской Америке, Южной и Центрально-Восточной Европе, неопатримониальные элиты в постсоветских государствах разделены и конкурируют между собой прежде всего за доступ к клиентарно-патронажной сети, в центре которой находится лидер государства. *Постсоветские элитно-партийные кливажи могут быть определены именно через позиционирование внутри или вне системы раздела государства.* Вместо классического разделения между умеренными и радикалами, либералами и консерваторами, левыми и правыми постсоветские неопатримониальные режимы могут быть охарактеризованы субэлитным расколом, вырастающим из конкуренции за лучшую позицию в иерархическом клиентистском распределении благ и привилегий. Все члены и отряды постсоветской элиты в той или иной степени вовлечены в соревнование и борьбу за большую долю «общественного пирога», которая регулируется верховным лидером государства, выступающего в роли надпартийного (надфракционного) арбитра. И если ключом к стабильности современных демократических государств является способность правителей поддерживать эффективные связи и быстро реагировать на запросы социальных слоев, то в неопатримониальных режимах таким ключом является способность различных элит проникать и поддерживать клиентарно-патронажные связи с различными сегментами общества, а также сохранять низкий уровень конфликтности в соперничестве между собой за лучшую позицию в КПС.

Таким образом, такая перспектива анализа позволяет поставить вопрос о возможности в постсоветских обществах вообще непосредственного и прямого перехода к демократии и современному государству, а также о правомерности отождествления происходящих в этом регионе процессов политической трансформации с процессами демократического строительства. Процессы «демонтажа коммунизма» и «транзита к демократии» привели к установлению хорошо изученных на примере Азии, Африки и Латинской Америки неопатримониальных политических институтов, в которых, несмотря на существование фасада современного демократического государства, ключевую и структурообразующую роль как в определении правил политической игры, так и в функционировании политической системы играют не рационально-легальные, а клиентарно-патронажные отношения и связи.

3. ПОСТСОВЕТСКИЕ «ЦВЕТНЫЕ» РЕВОЛЮЦИИ: ВЫХОД ИЗ НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМА ИЛИ ЕГО ПЕРЕСТРОЙКА?

Мне кажется, что мы можем гораздо глубже понять феномен «цветных» революций, если поместим их в хорошо изученный сравнительной политологией и исторической социологией теоретический контекст изучения режимных коллапсов и режимных изменений неопатримониальных поли-

тических систем (Snyder, 1992; Bratton and van de Walle, 1994; 1997; Brownlee, 2002). «Цветные» революции на постсоветском пространстве, с точки зрения данной перспективы, есть прежде всего распад модели консолидации неопатримониального режима на основе политико-экономической гегемонии главы государства и выстраиваемой вокруг и под него клиентарно-патронажной сети эксплуатации публичных ресурсов.

Режимная консолидация (элиминирование внутриэлитных расколов) в рамках модели гегемонии осуществляется главой государства, который:

- 1) контролирует наиболее важные ресурсные позиции на политическом поле и устанавливает на нем собственные (формальные и неформальные) правила игры;
- 2) опирается не столько на публично-политические, сколько на государственно-административные каналы и способы воздействия клиентарного типа; например, через назначение и смену региональных нотаблей, контроль ключевых позиций в государственном аппарате, силовых министерствах и основных отраслях экономики;
- 3) через патронажные сети обеспечивает себе поддержку большинства в большинстве социальных и экономических групп, а не влияние среди какой-то одной, численно наибольшей группы¹⁴. В качестве главного патрона пре-

14 Отметим, что гегемонию следует отличать от доминирования, когда та или иная сила устанавливает полный, монопольный контроль над политическим полем. Консолидация режима через доминирование произошла, например, в некоторых постсоветских республиках Средней Азии, где вместо раскола национальных компартий произошло их простое переименование, а национально-демократические контрэлиты загнаны на периферию политического поля (т. е. там была сохранена клиентарно-патронажная сеть советской эпохи, а кооптирование в ее состав новых элит было сведено к минимуму). Там же, где произошел существенный раскол правящих национальных компартий на победивших (коммунистических) реформаторов-демократов и проигравших коммунистов-ортодоксов (как, например, в Украине), консолидация режима осуществлялась на основе модели контркоммунистической гегемонии, смысл которой состоял в разделе государства союзом реформаторов-коммунистов и умеренных контркоммунистических контрэлит. (О различных траекториях постсоветского развития, трансформации различных типов элит и их патронажных сетей см.: *Derluigan*, 2005.) Разрыв с СССР и коммунистическим прошлым как легитимизирующая идея позволил элиминировать расколы и объединить посткоммунистических реформаторов, хозяйственную, региональную и культурную рентоориентированную элиту советского типа с разнообразными национально-демократическими контрэлитами, закрыв одновременно путь к власти для радикальных элементов и с той и с другой стороны. В отличие от «среднеазиатской модели» полного доминирования, возможности гегемонии более ограничены и не позволяют, например, ликвидировать оппозицию (формируется специфический постсоветский бипартизм: неопатримониальная партия власти vs. левокоммунистического меньшинства) или установить полный контроль над парламентом, превратив его в регистрационно-совещательную палату декоративного типа. Таким образом, хотя наличие существенного левокоммунистического оппозиционного сегмента предотвратило возможности консолидации украинского политического режима по «среднеазиатской модели» доминирования, гегемонная модель консолидации позволила довольно эффективно контролировать события на политическом поле, стабилизировать социальные издержки реформ, предотвращать интерэлитные конфликты и сползание к неуправляемой «войне всех против всех».

зидент выступает верховным арбитром во внутриэлитных столкновениях и на основе принципа личной лояльности регулирует вхождение / исключение из КПС (а значит, и доступ / недоступ к соответствующим экономическим ресурсам). Формулу консолидации элит через гегемонию можно выразить так — «[политическая] лояльность в обмен на [экономическую] свободу». Существующие внутри КПС противоречия региональных групп и несовпадение специфических бизнес-интересов преодолеваются выигрыванием от монопольного раздела государственно-административной ренты. При этом все другие игроки (не вошедшие через клиентельные отношения в ГАК) *de facto* делегитимизируются и выносятся на периферию политического поля: это левые и правые идеологические партии, парламентские формы представительства, негосударственные общественные организации и т. д.

Постсоветский формат украинского политико-режимного взаимодействия через гегемонную консолидацию элит был существенно подорван в ходе «кассетного скандала» и парламентских выборов 2001 / 2002 гг., продемонстрировавших возникновение новых линий внутриэлитных расколов и размежеваний, которые уже не могли преодолеваться прежним административным или клиентарным способом. Фактически в течение 2001 / 2002 гг. от партии власти откололась значительная часть влиятельных экономических групп интересов и большинство национально-демократических субэлит, которые вышли из клиентарно-патронажной сети президента Кучмы и стали ядром альтернативной «оранжевой коалиции» вокруг В. Ющенко на президентских выборах 2004 г. Фактически социетальные границы «оранжевой коалиции» совпали с границами тех мощных групп интересов, которые в силу тех или иных причин или оказались выдавленными из системы президентского патронажа, или перестали видеть смысл участия в нем, т. к. потенциальные выгоды не могли перевесить все более нараставшие риски и опасности¹⁵.

Таким образом, ключевой предпосылкой «цветных революций» явилась *неспособность интегрировать в КПС значительные сегменты экономических, политических и региональных элит, в конечном итоге постепенная утрата поддержки большинства в большинстве социальных групп*, открывающая дорогу классической партийной политике, базирующейся не на патронаже, а на представлении интересов основных социетальных групп. Фактически это говорит о том, что «цветные революции» происходят там, где неопатримониальный государственно-административный комплекс (центр системы, по терминологии С. Н. Эйзенштадта) не способен подчинить себе большинство наиболее мощных групп экономических интересов.

Здесь мы подошли к очень важному пункту, который позволяет выдвинуть альтернативное объяснение феномена «цветных революций», поместить

15 Достоинство подхода к анализу «цветных» революций упоминавшегося выше Г. Хейла состоит в том, что он убедительно демонстрирует, что по мере приближения к президентским выборам число последних начинает довольно быстро нарастать, а число верных соратников, готовых идти до конца, начинает таять на глазах.

их в контекст уже существующих объяснений революционных изменений и предложить несколько иную оптику их анализа. Выскажем в этой связи гипотезу, которая практически не присутствует в современном анализе «цветных революций». Аналогично европейским революционным вихрям Нового времени не были они такой же *ответной реакцией отдельных групп экономических интересов на возросшее фискальное давление неопатримониального государства?* В данном случае для нас неважно, было это возросшее фискальное давление (классического триггера революций) попыткой государства бюрократически упорядочить и рационализировать функционирование экономической сферы (в духе просвещенного абсолютизма и меркантилизма) или все объясняется возросшими аппетитами президента и его окружения, решивших повысить отдачу от КПС. В патримониальных и неопатримониальных системах оба мотива чаще всего переплетены и присутствуют вместе. Как от-

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» ПРОИСХОДЯТ ТАМ, ГДЕ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ КОМПЛЕКС НЕ СПОСОБЕН ПОДЧИНИТЬ СЕБЕ БОЛЬШИНСТВО НАИБОЛЕЕ МОЩНЫХ ГРУПП ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

мечает М. Вебер, процесс рационализации и юридического упорядочивания патримониального управления всегда «является следствием соперничества различных экономических интересов разных патримониальных чиновников» (Weber, 1978 [1922]. Р. 1029, 1038), а разграничение и упорядочивание привилегий патримониальной бюрократии всегда было связано с конкуренцией и компромиссом стоявших за ними алчных интересов конкурирующих патримониальных групп¹⁶. В любом случае моя гипотеза состоит в том,

что как эскалация абсолютного и относительного объемов «отката» (т. е. перераспределения ренты к центру КПС), так и попытка его бюрократического упорядочивания и / или регламентации установленных привилегий становятся сигналом для бегства менее привилегированных рентоориентированных групп из КПС президента. Почему? Выскажем предположение, что *бюрократическая регламентация и упорядочивание неопатримониальных обменов («наведение порядка в экономике») не снижает, а наоборот, повышает стоимость пребывания (т. е. трансакционные издержки) в КПС для большинства ее участников (за исключением лишь самых приближенных лиц из центра сети), что формирует потенциальный резервуар поддержки оппозиции, а также создает для нее ресурсную базу поддержки.*

¹⁶ Например, «иррациональное [при патримониализме] разграничение многочисленных должностных полномочий во все эпохи было стереотипизировано именно вследствие однажды достигнутой демаркации сфер финансовых интересов» (Вебер, 2004 [1922]. С. 164).

Таким образом, *ключевым конфликтом «оранжевых революций» является конфликт неопатримониальной бюрократии и рентоориентированных политических предпринимателей.* Кто же тогда остается, а кто уходит из неопатримониальной КПС при попытке ее неопатримониальной рационализации? Можно в самом общем виде предположить, что при росте трансакционных издержек более подвижными и склонными к выдвигению требований изменения правил игры оказываются те виды бизнеса, у которых оказывается наименьший «запас прочности» к росту требований неопатримониального государственно-административного комплекса. Хотя в каждом отдельном случае «цветные революции» поддержали самые разные виды бизнеса, ключевыми, очевидно, являются вопросы о том, возможно ли его эффективное функционирование вне теневых схем раздела прибыли с высшими звеньями КПС и насколько он зависит от предоставленных привилегий, экспортных лицензий и иммунитета от закона. Возможно, представители сырьевого сектора (включая в определенной степени металлургию и химию), при прочих равных условиях, в структуре своих производственных издержек всегда более устойчивы к возрастанию фискальных требований неопатримониальной бюрократии, чем реальный рыночный сектор экономики и, при прочих равных условиях, не заинтересованы в отказе от неопатримониальных схем и выходе из КПС главы государства¹⁷.

Таким образом, в составе движущих сил «цветных революций» можно выделить две группы политико-экономических элит, дифференциация между которыми определяется их предшествующей топологической позицией внутри или по отношению к неопатримониальной КПС:

1. аутсайдеры: более слабые игроки, опирающиеся преимущественно на идеологический, культурный и торговый капитал и занимающие маргинальные позиции в КПС (или всегда находившиеся за их пределами), – левые и правые политические партии, интеллектуалы, мелкий и средний бизнес. Данная группа выступает, как правило, за радикальное изменение правил игры в сторону равных и прозрачных условий конкуренции, без политико-экономической монополии крупных неопатримониальных игроков, опекаемых президентом;
2. мажоры: крупные рентоориентированные политические предприниматели из реальных секторов экономики, которые оказались под возросшим фискальным прессом неопатримониальной системы, поэтому вытесненные из нее или недовольные своим местом в ней. Рассчитывают на улучшение своих позиций в постреволюционном формировании КПС вокруг нового главы государства.

Бюрократическое упорядочивание и усиление фискальных функций государства мгновенно приводит постсоветскую неопатримониальную бюрократию к конфликту с большей частью бизнес-элит, которые не входят

17 Оять-таки для нас сейчас неважно, объясняется их повышенная прибыльность тем, что эти секторы находятся в центре КПС (контролируются ближайшим кругом и родственниками главы государства), или они потому и контролируются президентом, что являются источником сверхприбыльной ренты.

в круг ближайшего окружения главы государства, а потому наиболее страдают от сужения своих экономических возможностей (а иногда и прямо терпят фиаско в результате «наезда» силовых структур государства). В результате (почти по Скочполу и Голдстоуну) возникает революционная ситуация и отвергнутые элиты начинают инвестировать ресурсы в альтернативные политические проекты, т. е. политическую мобилизацию аутсайдеров на борьбу с режимом. Центральным мотивом присоединения к «цветным командам» определенной части рентоориентированных политических предпринимателей была надежда на радикальное повышение своего статуса в новой КПС, т. е. перемещение из периферии в центр системы и занятие там господствующих позиций. В переходе от монополии к открытому политическому рынку и в радикальном изменении правил игры были заинтересованы именно аутсайдеры, рассчитывающие всегда только на собственные силы, но не главные организаторы и спонсоры революции, — изгнанные из лагеря Кучмы политические предприниматели, привыкшие к покровительству сверху и отношениям патрон—клиент. Именно союз с аутсайдерами понизил для рентоориентированных элит степень риска в переходе на сторону «цветных команд». Ведь в случае их победы им, как минимум, гарантируются равные и прозрачные условия конкуренции, а как максимум — существует возможность занять центральные позиции в системе и, таким образом, получить все. Можно спорить, в какой степени революционные команды руководствовались в своих действиях первыми или вторыми соображениями (скорее всего у наиболее сильных игроков оппозиции преобладали расчеты второго типа, а у менее сильных союзниках теплилась надежда на первое).

Если полемически заострить вышеизложенную гипотезу, то разгадка «цветных революций» состоит в том, что ее ближайшим историческим аналогом будут не «бархатные революции» Центральной и Восточной Европы, а неопатримониальные революции в странах третьего мира (по С. Н. Эйзенштадту), которые происходят по поводу принципов справедливости и вытекающих из них способов распределения благ, но не ведут к глубоким изменениям в доступе основных групп к позициям контроля в главных институциональных сферах или же в автономном политическом самовыражении этих групп (*Эйзенштадт* 1999 [1978]. С. 336). Возможность неопатримониальной революции возникает тогда, когда резко сужается база неопатримониального центра и он утрачивает поддержку значительной части социальных слоев и элитных групп. Очень часто это происходит, когда изменение международной обстановки ограничивает возможности неопатримониального лидера контролировать элиты и они перестают полностью зависеть от его расположения, а также от предоставляемых постов и благ. «Этот тип революции, — отмечает Дж. Голдстоун, — отличается от великих революций тем, что ее лидеры прежде всего желают ниспровергнуть не систему правления, но персональную власть дискредитированного главы государства. Однако когда правительство завязано только лишь на главу государства, выпадение любого сегмента (stumbling) патронажной сети, соединенного даже

с небольшим народным выступлением, может вызвать коллапс всего режима. Перестройка государства может привести к далеко идущим изменениям в структуре правления и социальной организации. Таким революциям прежде всего не хватает сильной идеологии. Может пройти много времени, прежде чем она возникнет на основе той формы власти, которая заменит старую персонализированную систему» (*Goldstone, 1982. P. 197*). Классическими примерами революционного коллапса патримониальных и неопатримониальных режимов являются Мексика (1910), Боливия (1952), Куба (1959), Эфиопия (1974), Никарагуа (1979), Иран (1979), Филиппины (1986), Индонезия (1998), Заир (1998). В целом неопатримониальные революции *не меняют базовую модель отношений между центром и периферией, основанную на ограничении доступа к центру и позициям контроля за ним. Скорее они изменяют политику распределения ресурсов, а также принципы справедливости, которые обосновывают эту политику.*

Таким образом, существенный недостаток существующих теорий «цветных революций» состоит в том, что они предлагают довольно ограниченную интерпретацию (это касается всех трех указанных в самом начале концепций), в которой остается как бы за кадром основная причина революции — конфликт неопатримониальной бюрократии и экономических элит. Ни одна из предложенных до сих пор концепций «цветных революций» не рассматривает решающий фактор революционного успеха — *мотивы и позиции крупных рентаориентированных политических предпринимателей*, чья поддержка аутсайдеров неопатримониальной системы (соответственно либералов, национальных демократов, среднего класса, описываемых в указанных в начале статьи концепциях¹⁸) явилось, по моему мнению, переломным моментом и ключевым элементом в позитивного исхода всех постсоветских

18 В общем-то, каждая из этих групп лишь была «лузером» в неопатримониальной системе, и если попадала в систему патронажа, то в качестве самого дальнего и «угнетенного» элемента клиентарно-патронажной сети. Укажем также, что популярная версия «цветных революций» как «движений среднего класса за демократию» не учитывает тот фактор, что в процессе модернизации средний класс очень часто выступает как раз противником демократизации и становится социальной базой авторитарных политических режимов. Исследования, например, латиноамериканистов показали, что в основе специфической системы бюрократического авторитаризма 1970-х гг. (Бразилия, Аргентина, Чили) находится поддержка как раз средних социальных слоев (мелкого и среднего бизнеса, интеллигенции и т. д.), выступающих в первую очередь за порядок и экономическое развитие и лишь в последнюю очередь, за демократию. В контексте нашего анализа средний класс, пожалуй, только в Беларуси может в определенном смысле считаться противником режима Лукашенко. Напротив, по-видимому, именно вестернизированный средний класс является основной социальной базой не только режима Путина в России, но и Ильхама Алиева в Азербайджане и Назарбаева в Казахстане. Контррежимная мобилизация масс оппозиционными элитами там будет осуществляться не среди средних слоев — основных бенефициариев девелопменталистской политики их лидеров, а скорее среди обездоленных городских и сельских масс в регионах происхождения оппозиционных лидеров. Это очень хорошо видно по киргизской «цветной революции», где средний класс был заинтересован в просвещенном мягком султанизме Акаева, но не был готов оказаться в пучине распрей региональных кланов.

«цветных революций»¹⁹. *«Цветные революции» в значительной степени стали следствием усиления силовых и принудительных функций неопатримониального государства, что стало причиной изменения стратегий политических предпринимателей, которые стали инвестировать средства, условно говоря, не в главу государства, а в аутсайдеров системы, т. е. перешли от поддержки неопатримониального центра к конфликту с ним и мобилизации масс на борьбу с ним.*

Выскажу еще один тезис: чем больше различий позиций и экономических интересов демонстрирует постреволюционная коалиция победивших элит, чем больше у нее несовпадения позиций и интересов, тем больше вероятность утверждения в данной стране демократии. Ключевое значение с этой точки зрения имел, например, раскол «оранжевой коалиции» в Украине осенью 2005 года, который сделал невозможным возврат к модели консолидации «оранжевой команды» на основе вхождения в неопатримониальную систему патронажа, интегратором которой был бы президент. Как раз то, что из-за внутренних противоречий рентоориентированные политические предприниматели из «оранжевого блока» не смогли создать широкую партию власти, является предпосылкой формирования в Украине плюралистической политической системы, в которой ни одна из групп общества не будет обладать контрольным пакетом власти. В этом смысле вполне можно согласиться с тезисом М. Макфол о том, что «многие из так называемых разочарований «оранжевой революции» являются признаком укоренения демократии» (Макфол, 2006).

Еще более усилю эту идею: установление демократических правил игры возможно лишь при «цветном термидоре», когда революционные элиты вынуждены прийти к некоей форме пакта (при открытых правилах игры) или, как минимум, картеля (с более закулисными договоренностями с ключевыми элитами старой власти) и в этом смысле осуществить «предательство революционных идеалов». Тогда неопатримониальные по своему типу «цветные революции» могут закончиться изменением не принципов распределения ресурсов, а правил игры в системе с более равным доступом всех игроков к власти и позициям контроля над ней. Только тогда революция ведет не к замене одной одиозной фигуры в центре КПС на другую, более просвещенную, без изменения правил игры (Кучма— 2), а к глубокой демократизации, т. е. реформатированию правил игры и ликвидации неопатримониального патронажа как системообразующего принципа. Таким образом, только нарастание политической конкуренции между различными отрядами старой и новой элиты может гарантировать перерастание «цветной» неопатримониальной революции в революцию демократическую.

19 Успех революций объясняется, как известно, не только натиском оппозиции, но и (решающим образом) параличом государственной машины, неспособной принять адекватные в иной ситуации меры по установлению управляемости и порядка. Скорее всего решающей причиной ступора силовой машинерии неопатримониального государства является как раз изменение намерений большинства рентоориентированных игроков в центре системы.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ДВА ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ

Подведем некоторые итоги нашего анализа. «Цветные революции» можно рассматривать как одну из форм распада неопатримониальной системы и анализировать необходимо не сами по себе, а в контексте развития различных вариантов постсоветских неопатримониальных режимов. Эволюция же последних в целом подтвердила закономерности возникновения революций, выявленные как в европейской истории раннего Нового времени, так и в современной истории стран Азии, Африки и Латинской Америки. Общую реконструкцию траекторий развития постсоветских неопатримониальных политических режимов в самом общем виде можно изобразить следующим образом.

К середине 1990-х гг. в большинстве постсоветских государств в результате политических и экономических реформ происходит консолидация системы неопатримониального правления на основе того или иного варианта состыковки интересов неопатримониальной бюрократии, политических рентоориентированных предпринимателей и главы государства, контролирующего использование силовых ресурсов государства. Когда глава государства устанавливает персоналистский контроль политики и бизнеса через полутрадиционные или современные стимулы и вознаграждения, можно говорить о формировании султанистских режимов (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан, Беларусь)²⁰. Там, где прошел захват государства рентоориентированными экономическими игроками в союзе с неопатримониальной бюрократией, произошло формирование олигархическо-патримониальных режимов (Россия, Украина, Молдова, Грузия, Армения). Расширение позиций рентоориентированных акторов (что наиболее ярко проявилось в президентских выборах в России и Украине или в силовых захватах власти в закавказских режимах) приводит к усилению конкуренции различных фракций неопатримониальной бюрократии и к плюрализации экономического и политического поля этих государств, которые затронули ряд просвещенных султанистских режимов Центральной Азии и Закавказья (Казахстан, Киргизию и Азербайджан). В большинстве олигархическо-патримониальных режимов наиболее влиятельные экономические игроки ставят вопрос о частичном изменении правил игры и снижении роли главы государства как основного вето-игрока и доминантного элемента неопатримониальной вертикали. Можно сказать, что возникла

²⁰ Вебер рассматривает султанизм как крайнюю форму патримониализма, которая основывается на «свободном от традиционных ограничений произволе» правителя. В этой форме патримониализма «экстремально расширяется сфера проявления открытого произвола и милости» со стороны правителя, а в своем действии «чистый султанизм опирается прежде всего на возможности фискального произвола» (Weber, 1978 [1922]. P. 231–232, 240). В последнее время веберовская концепция султанизма все в большей степени привлекает интерес исследователей в контексте анализа персоналистических диктатур и различных режимов личной власти (Chehabi and Linz, 1998; Eke and Kuzio, 2000; Guliyev, 2005).

потребность не в иерархической, а скорее в горизонтальной самоорганизации экономических игроков, без единого монопольного центра, что получило свое политическое выражение в проектах парламентаризации политической системы и сформулировало запрос на «слабого» президента. Так возникла первая стратегия трансформации постсоветского неопатримониализма, которую можно назвать политической рационализацией. Политическая система должна быть преобразована так, чтобы быстро и эффективно отвлекаться на запросы различных групп экономических интересов, она должна быть прозрачной и нейтральной.

В ответ на это неопатримониальная бюрократия, опираясь на контроль силовых ресурсов государства со стороны главы государства, попробовала поставить под свой контроль или прямо ликвидировать все усилившиеся независимые центры силы (олигархические бизнес-интересы, политические партии, СМИ, парламент, негосударственные организации граждан-

ского общества, культурные и региональные элиты и т. д.). «Олигархический поворот» 1993/94 – 1999/2000 гг. сменяется ключевым трендом 2000/01 – 2004/обгг., который состоит, с одной стороны, в формальной рационализации/бюрократизации политико-экономических центров власти и восстановлении позиций государства в экономической сфере, а с другой – в попытках ограничения и контроля политической конкуренции, что вызывает развитие авторитарных тенденций и постепенное закрытие политической сферы²¹. Данную стратегию можно назвать силовой рационализацией. В определен-

СИЛОВАЯ РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ,
ПРОХОДЯЩАЯ ПОД ЛОЗУН-
ГАМИ НАВЕДЕНИЯ ПОРЯДКА
В ЭКОНОМИКЕ, ФАКТИЧЕСКИ
ПРИВОДИТ К КОНТРРЕВОЛЮ-
ЦИОННОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ

ном смысле этот путь аналогичен развитию абсолютизма в Западной Европе (формированию *Polizeystaat*) и его борьбе с другими конкурирующими центрами власти²². Силовая рационализация, проходящая под лозунгами наведения порядка в экономике, фактически приводит к контрреволюционной стабилизации – экспроприации ресурсной базы независимых экономических игроков, устранению их значимого политического влияния, и в конечном итоге упадку роли парламента и политических партий. Можно сказать, что успешная силовая рационализация является формой бюрократической революции сверху, которая приводит также к существенной трансформации режима в некую разновидность бюрократического неопатримониализма, (где доминирующим слоем становится силовая бюрократия), что имеет свои прототипом «бюрократический авторитаризм» латиноамериканского

21 Про различные варианты постсоветского конкурентного авторитаризма см.: *Carothers*, 2002; *Levitsky and Way*, 2002; *Way*, 2005.

22 Ср. противопоставление *capital-intensive* и *coercive-intensive* путей становления европейских национальных государств, предложенное Тилли (*Tilly*, 1992).

или восточно-азиатского типа. Именно в этом направлении «бюрократической революции» сверху (и успешной контрреволюционной стабилизации) развивается Россия, Беларусь, Казахстан и Азербайджан.

В силу геополитических причин и слабости ресурсной базы неопатримониализма относительно безболезненно парламентаризация режима произошла в Молдове (как и ранее в прибалтийских государствах). В других странах оппозиционные ретроориентированные политические предприниматели, опираясь на свои региональные и социальные базы поддержки, были вынуждены перейти к мобилизации масс снизу (Грузия, Украина и Киргизия), что вызвало классическую неопатримониальную революцию, хорошо знакомую специалистам по третьему миру (ср. с падением режимов Маркоса, Сухарто и Мобуту). Можно сказать, что «цветные революции» произошли там, где правящие элиты:

- 1) поздно или недостаточно решительно перешли к осуществлению стратегии силовой рационализации и подавления независимых конкурирующих центров силы;
- 2) не смогли добиться поддержки большинства в большинстве социальных и региональных групп и интегрировать их в систему неопатримониального перераспределения.

Таким образом, политическая рационализация снизу (через «цветные революции») и силовая рационализация сверху (через бюрократическую революцию) могут считаться разными вариантами осуществления процесса рационально-бюрократической трансформации, которая в свое время привела к рождению современных национальных государств. Демократия в том и другом случае может быть, а может и не быть специфическим итогом этой трансформации. Напротив, ее следствием может стать рождение неопатримониальных олигархических демократий или авторитарных режимов, хорошо знакомых специалистам по межвоенной Западной Европе или Латинской Америке.

Как известно, возникновение демократических полиархий и упадок патримониальных практик на Западе в конце XIX – начале XX в. смогло произойти только после формальной бюрократической реорганизации государства на основе формальных правил и рационально-легальных связей гражданского типа. Но не только. В конечном итоге это был выбор бывших патримониальных и ретроориентированных элит, для которых более выгодным в долгосрочной перспективе оказалось принятие равных и прозрачных механизмов открытой конкуренции на основе единых и общих для всех правил. В этом смысле «цветные революции» могут стать специфической прелюдией построения рационального современного государства и, как следствия, перехода к равным правилам игры для всех экономических и политических субъектов.

Станут ли открытые механизмы конкурентной демократии следующим выбором постсоветских неопатримониальных элит или они вернуться к хорошо знакомой практике монопольного контроля над политическим пространством и его экономическими дивидендами? Договорятся ли они про переход к открытой конкуренции на основе общих правил игры (именно

таков был путь возникновения западных демократий) на основе равного раздела рисков или они предпочтут и дальше играть в рулетку, где победитель получает все? Таковы основные дилеммы нашего ближайшего будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. (1994 [1915]) Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религии. Вступление//Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
2. Вебер М. (1990 [1919]) Политика как призвание и профессия//Изб. произв. М.: Прогресс, 1990.
3. Вебер М. (2004 [1922]) Традиционное господство//ОЙКУМЕНА. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Вып. 2. Харьков: Константа, 2004.
4. Гарт Т.Р. (2004 [1970]) Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2004.
5. Гельман В.Я. (2001а) Постсоветские политические трансформации: наброски к теории // Полис. 2004. №1.
6. Гельман В.Я. (2001б) «Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики // Полис. 2005. №6.
7. Лебон Г. (1995 [1895]) Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.
8. Макфол М. (2005) Пути трансформации посткоммунизма // Pro et Contra. Т. 9. №2.
9. Макфол М. (2006) Послеоранжевая Украина // Коммерсант. 14 марта 2006. №43.
10. Пшеворский А. (1999 [1992]) Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 1999.
11. Раствоу Д. (1996 [1970]) Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. №5.
12. Сорокин П.А. (2005 [1925]) Социология революции. М.: Территория будущего; РОССПЭН, 2005.
13. Фисун О.А. (1998) Політичні системи неопатримоніального типу // Політологія/упоряд. та ред. М.Сазонова. Харків: Фоліо, 1998.
14. Фисун А. (2000) Постсоветские политические режимы: «новые демократии» или неопатримониальные системы? // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. 2000. №456. Ч. 1.
15. Фисун А.А. (2004) Постсоветские политические режимы: неопатримониальная интерпретация // ОЙКУМЕНА. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Вып. 2. Осень-Зима 2004. Харьков: Константа, 2004.
16. Хантингтон С. (2003 [1991]) Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.
17. Хантингтон С. (2004 [1968]) Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
18. Эйзенштадт С.Н. (1999 [1978]) Революция и преобразование обществ. М.: Аспект-пресс, 1999.
19. Anderson, Perry (1979 [1974]) Lineages of the Absolutist State. London: Verso, 1979.
20. Arendt, Hannah (1987 [1963]) On Revolution. Harmondsworth: Penguin, 1987.
21. Bendix, Reinhard (1966) Max Weber. An Intellectual Portrait. London: Methuen, 1966.
22. Bratton, Michael & van de Walle, Nicholas (1994) Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa // World Politics. 1994. 46 (4).
23. Bratton, Michael & van de Walle, Nicholas (1997) Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in a Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
24. Brinton, Crane (1965 [1938]). The Anatomy of Revolution. New York: Vintage Books, 1965.
25. Brownlee, Jason (2002)... And Yet They Persist: Explaining Transition in Neopatrimonial Regimes // Studies in Comparative International Development. 2002. 37 (3).
26. Carothers, Thomas (2002) The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. 13 (1). 5–21.
27. Chalmers, Johnson (1966) Revolutionary Change. Boston: Little, Brown and Company, 1966.

28. *Chehabi, H. E. and Juan J. Linz* (1998) Sultanistic regimes. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.
29. *Collins, Randall* (1999) Macrohistory. Stanford: Stanford University Press, 1999.
30. *Colomer, Josep M.* (2000) Strategic Transitions, Game Theory and Democratization. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2000.
31. *Davies, James* (1962) Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. 1962. 27 (1).
32. *Derluagian, Georgi* (2005) Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography. University of Chicago Press, 2005.
33. *Dogan, Mattei and John Higley*, eds. (1998) Elites, Crises, and Origins of Regimes. Lanham: Rowman & Littlefield, 1998.
34. *Dunn, John* (1989 [1972]) Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
35. *Edwards, Lyford* (1927) The Natural History of Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1927.
36. *Eisenstadt, Shmuel Noah* (1973) Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. London: Sage, 1973.
37. *Eke, Steven and Taras Kuzio* (2000) Sultanism in Eastern Europe: The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52. No. 3.
38. *Evans, Peter, Rueschemeyer, Dietrich and Skocpol, Theda*, eds. (1985) Bringing the State Back In. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
39. *Foran, John* (1993) Theories of Revolution Revisited: Toward a Fourth Generation? // *Sociological Theory*. 1993. 11 (1). 1–20.
40. *Foran, John*, ed. (1997) Theorizing Revolutions. London: Routledge, 1997.
41. *Foran, John* (2005) Taking Power: On the Origins of Third World Revolutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
42. *Goldstone, Jack* (1980) Theories of Revolution: The Third Generation // *World Politics*. 1980. 32 (3).
43. *Goldstone, Jack* (1982) The Comparative and Historical Study of Revolutions // *Annual Review of Sociology*. 1982. Vol. 8.
44. *Goldstone, Jack* (1991) Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: University of California Press, 1991.
45. *Goldstone, Jack* (2001) "Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory," *Annual Review of Political Science*, Vol.4, 139–187.
46. *Goldstone, Jack* (2003) Comparative Historical Analysis and Knowledge Accumulation in the Study of Revolutions // *Mahoney J, Rueschemeyer D.* (eds.) *Comparative Historical Analysis in the Social Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
47. *Goodwin, Jeff* (2001) No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
48. *Guliyev, Farid* (2005) Post-Soviet Azerbaijan: Transition to Sultanistic Semiauthoritarianism? An Attempt at Conceptualization // *Democratizatsiya*. 2005. Vol. 13 (3).
49. *Hale, Henry* (2005) Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. 2005. 58 (1). 133–165.
50. *Higley, John and Richard Gunther*, eds. (1992) Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
51. *Huntington, Samuel* (1984) Will More Countries Become Democratic? // *Political Science Quarterly* 1984. 99 (2).
52. *Johnson, Chalmers* (1966) Revolutionary Change. Boston: Little, Brown, 1966.
53. *Jowitt, Ken* (1992) New World Disorder: The Leninist Extinction. Berkeley: University of California Press, 1992.
54. *Karl, Terry Lynn* (1990) Dilemmas of Democratization in Latin America // *Comparative Politics*. 1990. 23 (1).
55. *Keddie, Nikki R.*, ed. (1995) Debating Revolutions. New York: New York University Press, 1995.
56. *Lachmann, Richard* (2000) Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe. Oxford: Oxford University Press, 2000.
57. *Levitsky, Steven and Lucan A. Way* (2002) The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*. 2002. 13 (2).

58. *Linz, Juan J. and Alfred Stepan* (1996) *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.
59. *Mann, Michael* (1986–1993) *The Sources of Social Power*. Vol. I–II. Cambridge: Cambridge University Press.
60. *McAdam, Doug, Sidney Tarrow, and Charles Tilly*, eds. (2001) *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
61. *McFaul, Michael* (2002) The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World // *Worlds Politics*. 2002. 54 (2).
62. *Medard J.-F.* (1982) The Underdeveloped State in Tropical Africa: Political Clientelism or Neo-Patrimonialism // *Clapham Ch. (ed.) Private Patronage and Public Power*. New York: St. Martin's Press, 1982.
63. *Moore, Barrington Jr.* (1966) *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press, 1966.
64. *Murvar, Vatro* (1985) Patrimonialism, modern and traditionalist: A paradigm for interdisciplinary research on rulership and legitimacy // *V. Murvar (ed.) Theory of liberty, legitimacy, and power: new directions in the intellectual and scientific legacy of Max Weber*. London: Routledge & Kegan Paul, 1985.
65. *Paige, Jeffery* (1975) *Agrarian Revolution: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World*. New York, Free Press, 1975.
66. *Parsa, Misagh* (2000) *States, Ideologies, and Social Revolutions: A Comparative Analysis of Iran, Nicaragua, and the Philippines*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
67. *Pettee, George S.* (1938) *The Process of Revolution*. New York: Harper and Row, 1938.
68. *Przeworski, Adam* (1988) Democracy as a Contingent Outcome of Conflicts // *J. Elster and Rune Slagstad, Constitutionalism and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
69. *Roth, Guenther* (1968) Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States // *World Politics*. 1968. 20 (2).
70. *Skocpol, Theda* (1979) *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
71. *Skocpol, Theda* (1994) *Social Revolutions in the Modern World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
72. *Smelser, Neil* (1963) *Theory of Collective Behavior*. New York: Free Press, 1963.
73. *Snyder, Richard* (1992) Explaining Transitions from Neopatrimonial Dictatorships // *Comparative Politics*. 1992. 24 (4).
74. *Tilly, Charles* (1973) Does Modernization Breed Revolution? // *Comparative Politics*. 1973. 5 (3).
75. *Tilly, Charles*, ed. (1975) *The Formation of Nation State in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press, 1975.
76. *Tilly, Charles* (1992) *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992*. Oxford: Blackwell, 1992.
77. *Tilly, Charles* (1993) *European Revolutions, 1492–1992*. Oxford: Blackwell, 1993.
78. *Tilly, Charles* (2004) *Contention and Democracy in Europe, 1650–2000*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
79. *Theobald, Robin* (1982) Patrimonialism // *World Politics* 1982. 34 (4).
80. *Trimberger, Ellen K.* (1978) *Revolution from Above*. New Brunswick: Transaction Books, 1978.
81. *Wallerstein, Immanuel* (1974–1989) *The Modern World-System*. Vol. I–III. New York: Academic Press.
82. *Way, Lucan* (2005) Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, and Ukraine // *World Politics*. 2005. 57 (2).
83. *Weber, Max* (1978 [1922]) *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*/Ed. by G. Roth and C. Wittich. 2 Vols. Berkeley: University of California Press, 1978.
84. *Wickham-Crowley, Timothy* (1992) *Guerrillas and Revolution in Latin America*. Princeton: Princeton University Press, 1992.